

**ТРУДЫ И СТРАНСТВОВАНИЕ СМИРЕННОГО АРСЕНИЯ,
АРХИЕПИСКОПА ЭЛАССОНСКОГО,
И ПОВЕСТВОВАНИЕ
ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРШЕСТВА**

433 Желал бы я, брат, чтобы знал ты, что, когда находился я во Львовском укреплении (ἐν κάστρῳ Λόβι, in castro Lobi) ¹, мне принесли, в первый день мая ² письмо святейшего патриарха Константинопольского Иеремии, мужа мудрого, которого назвал бы ты вторым Иовом, законченным подражателем пророка Иеремии ³. Он писал мне, что собирался
434 прибыть сюда ⁴, чтобы получить у великого канцелярия ⁵ Польши, Яна ⁶, и самого польского короля ⁷ разрешение проехать через Польшу и Литву и отправиться затем к превеликому царю Руси, православному Феодору ⁸, выдающемуся своим могуществом и величием. Чтение этого письма доставило мне радость. Я поднялся тотчас же со своего ложа, купил лошадей и повозки и приготовил все, что было необходимо для путешествия. Немного дней спустя патриарх прибыл к границам Польши. Канцелярий прислал к нему людей и письма, настоятельно прося, чтобы он не пренебрег приехать в его замок в Замостье. Услышав о том, что он действительно прибыл и приехал к канцелярию, я поспешил, чтобы встретиться с ним в Замостье. В субботу (media Parasceve) я выехал из Львовского укрепления и на другой день, в воскресенье, прибыл в Замостье. И там, обратившись к патриарху, я с глубоким благоговением и величайшим почитанием обнял его голову и колени. Двенадцатого мая, это было воскресенье, патриарх пожаловал мне свое благословение и, дав отпущение грехов, приказал затем мне сесть. Затем он сделал мне несколько сообщений, столь полных печали, что я заплакал от грустного повествования о всевозможных мучениях, которые ему пришлось перенести от нечестивых турок в городе Родосе, куда он был выслан. Потом он спросил меня:— Как обстоят твои дела с этими поляками?— Очень хорошо, владыка мой,— отвечал я ему,— благодаря твоему благословию! Затем я спросил его сам, мог ли бы и я отправиться с ним к превеликому царю русскому? Он ласково ответил мне:— Поедем со мной, сын мой, отправимся вместе на Русь!

В это время светлейший канцелярий, очень благожелательно относившийся к нему и ко всем его приближенным, находившимся с ним, обнял его в сердечном порыве, напутствовал его со всевозможными почестями и вручил ему королевские грамоты с дозволением пройти пределы Польши, а также дал ему многочисленный конвой, который сопровождал бы его до границ Бреста (Μπέρεστ, Verestum). Во время нашего пребывания в Польше и Литве везде с нами обходились доброжелательно и учтиво. По прибытии в Брест нам предоставили новый конвой, который сопровождал бы нас до Вильно. Везде гостеприимно встречаемые, мы потратили пять дней на то, чтобы добраться от Бреста до Вильно.

435 Как только знатные люди и другие жители узнали о нашем приближении, все, от мала до велика, вышли к нам навстречу. Я нашел в Вильно многочисленную знать, обладающую огромными богатствами. Один далеко превосходил всех в этом отношении. Он был советником (consiliaris) превеликого короля Польши, великим логофетом (λογοθέτης, Logotheta) ⁹ всей Литвы. Этого пренатного, превосходящего других,
17 · 95

мужа звали Покарпесом ¹⁰, и был он православным. Мы задержались в этом городе на двенадцать дней. Все нас ласково принимали и считали для себя честью получить наше благословение, но самый знатный и прославленный среди других Покарпес был единственным, кто дал нам многочисленными и разными способами самые веские доказательства своей любви.

Из Вильно мы направились к Орше, последнему литовскому укреплению на границе Руси. Много людей старались служить нам проводниками. Мы достигли Орши по прошествии десяти дней и были там радушно приняты. Воздав нам всевозможные почести, жители проводили нас к русским городам, до весьма известной и величайшей крепости, называемой Смоленском, находящейся на реке Борисфене ¹¹. Воевода ¹² города, в котором мы находились, послал людей, чтобы провести нас через рынок в свой дом, расположенный вне городских стен, где нам воздали всевозможные почести. Он наказал посланным записать наши имена, затем распорядился щедро выдать каждому из нас по мере зерна, что было исполнено, и, сверх того, послал людей к царю, чтобы они быстро известили о нашем прибытии. Сам он и местный епископ ¹³ приказали посылать нам каждое утро во все время нашего пребывания в Смоленске многочисленные изысканные яства и равно продовольствие каждому, в соответствии с его положением.

Как только слух о нашем прибытии достиг ушей царя, он сразу же послал людей, чтобы сопровождать нас. Они принесли патриарху письмо от самого царя следующего содержания:

— Я, Феодор, преемник великий православный царь Владимирский, Московский, Великорусский, Астраханский, Казанский, Великоновгородский, Великорязанский, всего Северного края и обширнейшей Сибири, прошу и молю тебя, владыка мой, взять на себя труд прибыть в Москву для того, чтобы я смог воспользоваться твоим благословением! — Епископ и воевода проводили нас тогда в церковь, которая находилась в городе, и там в субботу, так как был праздник корифеев ¹⁴, святых Петра и Павла, мы отслужили божественную литургию. Сразу же вслед за этим мы отправились в Москву с послами царя ¹⁵, который обеспечил нас продовольствием за свой счет в продолжение всего пути. Мы позаботились, чтобы быстро проделать всю дорогу.

Спустя десять дней, мы прибыли в Москву ¹⁶, прославленный город, украшенный великолепными зданиями. Большое число бояр ¹⁷ и бесконечное множество других людей пришли нас встречать и проводили до самого подворья епископа Великорязанского.

Царь, между тем, послал к нам людей, выдающихся происхождением, и многих других из высшего сословия. Каждый день на стол подавали посланные царем яства, самые лучшие и разнообразные. Дворецкие, повара, виночерпии, все прочие как большие, так и малые, которые были к нам приставлены, были наилучшим образом обучены. Царь позвал великого патриарха прибыть в царский дворец и прислал много людей, сплошь унизанных жемчугом и блестяще украшенных золотой парчой. Патриарх тотчас же отправился туда. Впереди шествовали бояре разных степеней, сзади же следовали монахи в черном одеянии. Патриарх со своими приближенными, митрополитом Моневазгийским ¹⁸ и мною, смиренным Арсением, епископом Элассонским ¹⁹, уроженцем Эллады, шли посреди. С этой свитой подошли мы к лестнице царского дворца, очень широкой и украшенной. Нам нужно было пройти, чтобы подняться в верхний этаж, и там снова достойнейшие бояре передали нам приветствие царя и сказали нам от его имени следующее:

— Прославленный Феодор, великий государь и повелитель Великой Руси, просит тебя, патриарх, и умоляет подняться в верхнюю часть дворца!

437

Святейший патриарх так ответил им: Пусть воля царя будет исполнена без промедления! Итак, мы сразу же двинулись от этого места и поднялись в верхнюю часть дворца, сопровождаемые большой свитой, состоящей из знати.

Беликий государь снова послал двух прославленных мужей²⁰ догофетов, которые с глубоким почтением передали патриарху слова царя.— Царь Феодор, величайший повелитель, царь царей всея Руси, просит и умоляет тебя прийти к нему! Он горит величайшим желанием увидеть тебя и получить твое благословение! Августейший (divinus), вселенский (oecumenicus), Константинопольский патриарх ответил на эти слова: Пусть поручение царя будет выполнено немедленно и да будет царь править вечно!

Тогда оба они взяли его под руки и помогли ему достигнуть порога палаты²¹, сплошь сверкающей от золота, в которой на троне сидел царь. Когда он нас увидел, то тотчас же поднялся с трона и спустился, держа в руке скипетр.

Патриарх остановился близ царя, но сначала почтил замечательный, немного выступавший над ним внутри трона образ (εἰκόνα, imāginem) Владычицы всего мира и Заступницы, Матери Божьей (patronae Sanctissimae Deiparae), украшенный карбункулами²², самоцветами (lapillis), адамантами²³, сапфирами, топазами и другими драгоценными камнями, а также множеством жемчуга. И после того, как он воздал следуемую ей честь, протянул, стоя возле царя, ему свою святую руку и высказал много добрых пожеланий: долголетия, распространения вдале и вширь границ его державы, чтобы он господствовал над всеми царствами и имя его почиталось бы в Восточных и Западных странах; чтобы оставил, наконец, наследника своего рода, который занимал бы престол.

438

Тогда великий государь, увенчанный диадемой и короной²⁴, наклонив доброжелательно немного голову, почтил патриарха и сказал ему следующее:— Приветствую тебя, владыка мой патриарх! По милосердию Господа, благословляющего все Свои творения, да сбудутся пожелания, которые ты высказал мне, имея их в сердце своем! После этого он добавил:— Ты очень кстати приехал, владыка! Я рад, что Твое Святейшество посетило эту державу во время моего царствования! Затем он снова поднялся на свой высокий золотой трон и сказал патриарху, чтобы тот сел, в знак высшего почета, по правую от него руку. Равным образом и нам приказал занять места справа от патриарха. Сидя на троне, царь держал в деснице высоко поднятый преславный скипетр, искусно сделанный, осыпанный кругом самоцветами, топазами, геммами²⁵, прекрасными карбункулами, огромными адамантами, сверкающими сапфирами, а сбоку имел очень большую сферу из золота, изображавшую всю вселенную. Все прочие: князья, то есть топархи провинций, военачальники, бояре и все монахи стояли с величайшей почтительностью.

Царь встал и снова сказал:— Благослови меня, Святейший Владыка! Патриарх приблизился, снова благословил его и пожелал ему счастья, чтобы благочестивой и долгой была его жизнь.

Затем все воздали хвалу царю и, растроганные большим почетом, мы возвратились, окруженные множеством людей, в подворье, где пребывали с немалым числом знатных мужей. После того, как мы провели там дни и недели со многими царскими людьми, патриарх заявил, что желает уехать отсюда и вернуться на свой Константинопольский престол. Тогда светлейший Архонт²⁶, первый среди придворных царя, брат (ἀδελφὸν)²⁷ царицы и правитель великой Казани, царства, известного во всех уголках земли, почтительно приблизился к патриарху, поцеловал ему правую руку и передал словесное приветствие царя и благочестивой царицы.

Патриарх, пожелав ему благополучия, справился об их здоровье, на что знатный муж ответил:— Благодаря милости и помощи Божьей, — отличное!

439 Затем, поднявшись, не без страха (*non sine timore*) и почтительно-сти, он передал патриарху в изысканных выражениях следующие слова, которые ему было поручено сказать великим Феодором, царем Великой Руси:

— Великий, Вселенский, Константинопольский патриарх, святейший из святых, прошу и умоляю тебя с благосклонностью принять те слова, которые царь приказал тебе передать: — Могуущественнейший Феодор, великий царь Владимирский, Московский и всея Руси, просит и умоляет тебя остаться в этом Московском царстве и называться патриархом Владимирским, Московским и всея Руси, чтобы с большим основанием именоваться титулом вселенский, вследствие чего ты и другие, кто с тобой, и сородичи твои, будут иметь самые изобильные и совершенно неисчислимы богатства!

Когда патриарх услышал это, он тотчас же ответил:— У меня много признательных слов для величайшего царя Феодора и царицы Ирины за их благоволение ко мне и почет, а также за то, что они желают прославить свое царство, стремятся иметь собственного патриарха, вследствие чего оно заслужит везде, во всех странах, величайшую славу! Они не могут, однако, выполнить своего желания, — ведь меня ждут и малые, и великие, долго пробывшие без меня: все епископы, священники и монахи, сколько ни есть их в Константинополе! Впрочем, чтобы удовлетворить каким-то образом желание царя, да будет избран здесь другой патриарх, в соответствии с законами и с согласия епископов!

Знатнейший из царедворцев муж²⁸ выразил по этому поводу живое сожаление, что патриарх не сможет остаться. Испросив разрешения пойти во дворец и передать сказанное патриархом царю, он действительно вернулся и рассказал по порядку все, что он услышал от патриарха.

440 Когда царь узнал об этом, он был очень опечален и сказал: — Какое решение мы сейчас примем?! Надо предаться воле всемогущего Бога и самого патриарха! Итак, собрались все епископы, величайшие архимандриты, и все высшие лица (*praefecti*), вследствие чего царь приказал, чтобы все епископы и высшие лица присутствовали во дворце. Все епископы, величайшие архимандриты и все высшие лица созвали в присутствии царя Собор (*Synodum*) во дворце, на котором единогласно решили, что ими будет наилучшим образом принято желание вселенского Константинопольского патриарха быть в продолжение всей своей жизни у них патриархом и иметь их под своей властью.

Тогда царь, епископы и все прочие участники Собора послали знатного мужа Андрея Щелкалова²⁹, бывшего уже в летах, одаренного и прославленного удивительным благоразумием, знанием и добродетелью, а также и его единокровного (*germanum*) брата Василия³⁰, чтобы они доставили решение Собора патриарху. Когда они пришли к величайшему патриарху, мужу, которого следовало всегда, везде без конца прославлять во всех странах, то сначала приложились к его руке, голове и коленям и получили затем благословение его десницы. После этого они передали ему решение Собора и царя в следующих выражениях:

— Святейший и августейший патриарх, мы просим тебя благосклонно выслушать нас! Царь Феодор, который властью своей управляет необъятной Русью с Востока до Запада и всем Северным краем, епископы, высшие лица, сколько их ни есть на Руси, просят и умоляют тебя согласиться быть патриархом этой державы в продолжение всей своей жизни! Вследствие чего ты наследуешь от царя отменные дары: земли, прекрасные города, малые и большие. Каждый день ты будешь полу-

чать меру зерна и тысячу «новгородок» (*ἀσπρα τὰ νογρότια*, *аспра Новгородия*)³¹. Люди, которые тебя сопровождают, также получат в изобилии, чтобы находиться в почете, собственные земли со многими имениями и всем необходимым для употребления. Сказав это, они воздали хвалу патриарху.

441 Он же так ответил им:— Я снова воздаю благодарения, насколько я могу, величайшему царю Феодору и святой царице Ирине за их великодушные ко мне; равно и святейшему Собору (*Synodas*), который вкладывает столько рвения для прославления этой державы, определяя своим решением, чтобы я занял ее патриархат. Но это никоим образом невозможно, чтобы я здесь остался и согласился принять на себя Московский патриархат. Ведь епископы, священники, все жители Константинополя, от самого малого до самого большого, только что прислали ко мне сказать, чтобы я вернулся к ним. Почему я без промедления навещу царя, чтобы тотчас же я мог отправиться и вернуться к Церкви, которую рассматриваю, как мать. Необходимо, чтобы я заботился и опекал ее в ее немощи и дряхлости. Нужно также, чтобы я поддерживал ее многочисленных сыновей, которые некогда пользовались ее величайшими благами и богатствами, а теперь почти что покинули ее и не помнят в достаточной степени, что они всё получили от нее, и не думают доставить ей какое-либо утешение. Первый, следовательно, ее сын, мститель за братьев своих и их страж, я скорее желаю нести заботу во время дряхлости моей матери, чтобы заслужить ее святое благословение, чем, по достоинству, получить наследование всеми благами, и это, воистину, является ее стремлением! Впрочем, по воле той же моей матери и с согласия всех братьев моих, в соответствии с законами и порядком, я установлю патриарха всея Руси, дабы исполнилась воля царя и была бы удовлетворена просьба преславного русского Собора!

Послы, воздав хвалу патриарху, вернулись во дворец, чтобы передать это царю и всему Собору. Когда они услышали принесенную весть, все епископы и священники, от малого до великого, были охвачены большой печалью и говорили:— Какое же решение остается принять, если не подчиниться воле и обычаю всемогущего Бога и самого патриарха?!

И они снова послали двух уважаемых епископов, превосходивших других своей добродетелью, которые пришли к Константинопольскому патриарху, воздали ему высочайший почет, благоговейно прикоснулись губами к его святой руке и приветствовали от имени царя:

442 — Превеликий царь Русский и повелительница, царица Ирина, епископы и все собравшиеся на Собор многократно приветствуют Твое Святейшество! Будь уверен, владыка мой, что царь и все прочие, от мала до велика, были охвачены сильной скорбью из-за того, что ты не желаешь оставаться здесь и называться Вселенским (*oecumenicum*) Патриархом всея Руси и в то же время владеть многими богатствами, огромными средствами, городами, многочисленными областями, малыми и большими, и, сверх того, получать ежедневно от царя меру зерна и тысячу новгородских аспров. Также и те, кто находятся с тобой в том же положении, будут не лишены городов, замечательных почестей, богатств и прочего, необходимого для жизни. Но, так как ты не хочешь задерживаться здесь и сделаться патриархом Руси, то все, от мала до велика, царь, царица, все епископы просят и умоляют тебя, чтобы ты рукоположил величайшим патриархом Руси того, кого изберут царь и прочие; и они всячески просят тебя только, чтобы не жаль было тебе прийти в митрополичью церковь для провозглашения избранного патриарха, чья слава распространилась бы широко по всему миру.

Преславный и превеликий Константинопольский Вселенский патриарх ответил на это посланным Собором епископам:— Да свершится

воля всемогущего, всеми благословляемого Господа, чье решение всегда правильно, да свершится также желание величайшего царя всея Руси, Владимирского, Московского и всего Северного края и достопочтеннейшей повелительницы, царицы Ирины, а также епископов и Собора!

И тогда мы направились в митрополию. Все, от мала до велика, царь, епископы, бояре, величайшие архимандриты, все придворные (ргаefecti), встретили нас, и мы, наконец, достигли, идя в процессии, церкви, сохраняя удивительный порядок: сначала, конечно, епископы, украшенные мантиями, затем священники и диаконы, облаченные в священные одежды, и все, воздав приветствие, вошли в церковь. Патриарх сел на трон, епископы же в алтаре, где каждому были поставлены собственные сидения. Вместе с епископами сел митрополит Монемазийский Ерофей, и равно и я, смиренный Арсений Элассонский, уроженец Эллады.

По обыкновению, мы избрали трех епископов, чтобы один из них был выбран патриархом. Каждый из епископов собственной рукой писал имена тех, кто казался ему подходящим для этого.

443

Затем мы встали и пошли отсюда к патриарху, прилепившись к нему. Когда же царь через вестников позвал нас, мы вместе с патриархом пошли отсюда и поспешили во дворец, где царь встретил нас у самого порога. Получив от патриарха тройное благословение (главы, груди и десницы — *capitis, pectoris et dexteræ*), он взошел на высочайший трон, патриарх сел рядом и, один за другим, сели все епископы и прочие присутствующие: бояре и царедворцы. Тогда поднялся августейший патриарх вместе с Феодором, царем Великой Руси, и патриарх представил избранных царю, чтобы был выбран один из них. Царь почтительно принял избранных и обратился сначала громким голосом к всеблагому, всевеликому Богу:— Я приношу Тебе благодарение, благоговею пред Твоим именем, преблагим Провидением, мудрейшим решением за то, что Ты послал к нам,— достоин Ты еси,— величайшего Вселенского Константинопольского патриарха и вложил в него желание поставить в сем царстве нашем патриарха! Он снова также воздал благодарения патриарху, говоря ему так:— Я выражаю многие благодарения Твоему Святейшеству, владыка патриарх Константинопольский, что ты пришел в это наше царство русское и пожелал почтить своим присутствием Московию; теперь молю, чтобы провозгласил ты митрополита Иова патриархом всея Руси!

Патриарх следующими словами ответил царю и сказал так:— Да сделает Господь всемогущий, Который управляет всякою вещью, благодаря Своему бесконечному провидению так, чтобы твои стремления исполнились бы и чтобы все тебе благоприятствовало! Я не сомневаюсь, что Бог, благословенный всеми, осуществит все то, что у тебя в сердце, наилучшим образом!

После этого, воздав приветствия, мы вышли отсюда и вернулись в подворье. Иов был голосованием избран патриархом Московским в пятницу. В воскресенье же ³² снова пришли епископы вместе с большим числом знатных и прославленных царедворцев (*aulici*).

444

Мы все, от мала до велика, вышли отсюда и собрались в самом большом храме. Патриарх взошел на очень большой амвон (*εἰς ἄμβων*, *pulpitum*) ³³, установленный посреди храма, против алтаря, к которому вели двенадцать богато украшенных ступеней. От его вершины до святого алтаря был натянут бархат (*villosum sericum*) золотого, черного, багряного, лазурного и всевозможных других цветов. Здесь были приготовлены троны (*θρόνοι*, *sedes*), на которые сели патриарх и Феодор, царь Великой Руси, затем сидения для всех епископов, расположенные в строгом порядке, по степеням. Патриарх был облачен в одеяния Большого собора ³⁴. Он получил митру, очень красивую и чрез-

вычайно драгоценную, которую он возложил на голову. Мы же все, вошедшие в алтарь (ἄγιον βῆμα, sanctuarium), надели святые облачения, и нам также дали митры, очень красивые и не менее дорогие, которые мы возложили на головы. Облачившись таким образом в одежды, мы уселись на скамьях (scamnis). Патриарх и царь заняли отдельные скамьи.

Между тем, были посланы два диакона, из более высокопоставленных, а именно, Леонтий, диакон Великой церкви³⁵ и другой диакон Великорусский, которые принесли епископам (ἀρχιερεῖς) поручение патриарха и царя, чтобы они проследовали в порядке, по двое к собственным сидениям, почему мы все и отправились в добром согласии и заняли каждый надлежащим образом собственное место. После этого поставили у врат алтаря великолепное двойное сидение (δικέφαλο ποδῶν, biceps pulvinar, bisellium)³⁶. Там находились вооруженные стражи³⁷, бдительно охраняющие это место, пока не провели туда преславного мужа, избранного единодушно, по имени Иова, замечательного святостью души, величайшего из епископов и Московского митрополита. Итак, он явился, сел на двойной трон и почтил оттуда всех. Ему принесли затем большую книгу (μέγα βιβλίον, ingens liber) для того, чтобы он в присутствии всех произнес символ веры (τὸ σίμβολον τὸ Θεῶν, divinum symbolum), и в присутствии патриарха и всех епископов он зачитал символ громким голосом. Патриарх же, царь и епископы между тем сидели.

445

Тогда великий протопоп и главнейший архидиакон Большого собора подвели его к патриарху, который призвал на него в долгом молении милость Святого Духа с тем, чтобы он стал потом патриархом Великой Руси. По обычаю, он дал ему лобызание, что было сделано и каждым епископом. После этого, пока совершался малый вход (εἰσόδος ἡ πρώτη, minor ingressus), он сидел возле патриарха. Когда же это было закончено, все епископы, священники и бояре выразили ему свое благоговение.

Затем все мы вошли в алтарь и начали петь там тропари и кондаки. В это же время была поставлена скамья у стола и были провозглашены восхваления великому патриарху, величайшему царю Владимирскому, Московскому и всего Северного края. Завершив это, певцы (οἱ ψάλλαι, psaltae), а именно великий domestik Пасхалий из Константинополя³⁸ (δωμέστικος, domesticus), и с ним другие певчие патриарха, громким голосом запели Трисвятое.

Когда Трисвятая песнь была закончена, патриарх благословил все собрание. Избранный Иов стал по правую руку от патриарха, который громким голосом провозгласил избранного Иова августейшим митрополитом в следующих словах:

Божественная благодать всевозвышающая (πάντα προΐβασι) да возвеличит тебя в Патриархии Владимиро-Московские и всяя Руси и всех гиперборейских³⁹ земель и всего Северного края!

Все же архиерей и священники возносили благодарение и все вместе пели громко «Господи, помилуй» (Κύριε ἐλέησον, Kyrie eleison). Подобно этому и антифон «Достоин» (τὸ ἄξιον, τὸ dignus)⁴⁰ (nели) все от малого до великого архиерей и священники и игумены.

После того, как совершилось это священнодействие, каждый из нас, все архиерей и священники, два патриарха и также игумены и архимандриты, приняли участие в служении Божественной литургии. Все тайно читали священные молитвы, а Патриарх громко произносил священные возгласы. После совершения Божественной литургии и причащения Святых Таян мы все разоблачились в алтаре, а патриархи направились к великому амвону и там сняли священные одежды с превосходнейшими украшениями жемчугом, самоцветами и алмазантами и, надев мантии, сели на троны. Тогда и мы приблизились к ним.

446

А царь многими дарами одарил русского патриарха. Он поднялся, и, вместе с ним, встали оба патриарха, епископы, священники и архимандриты. И он приказал новому патриарху снять с себя мантию, затем сам, собственной рукой, надел на него замечательнейшую панагию (*παναγία, ἐγκόλιπτον, епсолрион, епсолриум*)⁴¹, висящую на золотой цепи, и снова собственными руками щедро одарил его великолепнейшей и многоценной мантией из венецианского бархата⁴², украшенной сверху до низу драгоценными камнями и многочисленными адамантами. Он дал потом белые, переплетенные красными, нити отборных самоцветов и многочисленных жемчужин⁴³. Равным образом, подарил он белую камиллавку (*καμιλαβύχ: λευκόν*)⁴⁴, украшенную отборными самоцветами и жемчугом, на вершине которой водружен был крест Христа Жизнодавца. Она была унизана карбункулами, круглыми жемчужинами, топазами, геммами и многочисленными адамантами, а посреди ее, у вершины, были начертаны следующие слова: «Дар царя патриарху Иову». Сверх того, превосходнейший, многоценный золотой посох, очень красивый, украшенный драгоценными камнями, множеством жемчуга и разделенный четырьмя узлами. После этого, он держал к нему такую речь:

— Святейший владыка, достопочтенный патриарх, отец отцов, первосвятитель (Primas) всея Руси, патриарх, говорю я, царь Великой Руси, Владимирский, Московский, Северных земель, Астраханский, Казанский, Великоновгородский и Великорязанский, а также всей Сибири! Мое Величество объявляет и возглашает о признании твоего первенства над другими епископами и права ношения в будущем отличного саккоса (saccus)⁴⁵, митры и омофора (magnum sarran). Ты будешь признан патриархом всеми державами, королевствами и княжествами, а также будешь братом Константинопольскому и другим патриархам!

Он получил в это же время благословение от Московского и Владимирского патриарха, и сразу же хор благозвучно (сапога voce) восславил царя, великого патриарха Константинопольского и младшего, Московского патриарха.

Мы вышли затем оттуда и поднялись во дворец, весь выложенный золотом, и все: царь, епископы, оба патриарха, высшие лица, бояре и архимандриты сели за стол.

Первым, при этом, сел царь, затем вселенский Константинопольский патриарх, третьим — новозбранный патриарх Владимирский, Московский и всея Руси, затем все епископы, каждый в зависимости от своего сана, все находившиеся здесь высшие лица и бояре, прославленные военачальники. С нами сели также бояре, прибывшие в качестве послов из Грузии (Nobiles Iberiae), чтобы выразить царю москвитов должные знаки уважения, уплатить дань и засвидетельствовать, что они, его подданные, обещают ему, царю и законному владыке, быть в вечном послушании.

Итак, когда все упомянутые мужи: царь, епископы и бояре сели, то пропел стих (из Писания), и Константинопольский патриарх благословил десницею (трапезу). Каким же образом, последовательно и точно, рассказать мне об этом изумительном деле, сколько было там знаменитых мужей, какое множество богатств, какое изобилие золота?! Мы увидели серебряные кадки (cades), обитые золотыми венками, фиалы и другие чаши, наполненные замечательнейшей, беспримесной мальвазией (Mompbasiensi mero), нам подавали отличное Римское вино и Критское, признанное повсюду, во всех странах, самым изысканным, и изготовленное из апианских гроздьев (ex apianis uvis). Мы видели также в большом количестве золотые амфоры, размеры которых превосходили всякое воображение. Они были одна больше другой, а одну из них не могли принести даже двенадцать человек вместе. Одни изображали льва, другие — волка или медведя,

некоторые — быков, лошадей, зайцев и оленей. Мы видели потом также единорога, с огромным рогом, и все виды четвероногих, а также петухов, павлинов, украшенных золотыми перьями, журавлей, аистов, уток, гусей и, более крупных, пеликанов, затем множество страусов, малых и больших, фазанов, голубей, куропаток, горлиц, и все это, расположенное на столе в удобном порядке и красиво, было отлито из золота или из серебра. Здесь же находилось изображение охотника, прилаживающего силки, столь искусно напечатленное, что казалось, что он так и жаждет добычи. Впрочем, такое множество было этого рода амфор и кубков, что я не в состоянии даже их перечислить. Стол был перегружен таким количеством золота, что никакой ум, воистину, не в силах представить бесконечного числа великолепных, малых и больших, сосудов, сделанных из чистейшего золота. После того, как мы поднялись из-за стола, патриарх, царь и прочие, главный вестнарий⁴⁶ царя Московского и всея Руси, Астраханского, Казанского, Новгородского, Северных земель и обширнейшей Сибири остановился посреди палаты со многими людьми, сопровождающими его и несущими прекраснейшие дары. И он сказал великому Вселенскому Константинопольскому патриарху так:

— Величайший, святейший из святых, Вселенский Константинопольский патриарх! Преславный Феодор, великий царь Владимирский, Московский и всего Северного края, щедро предоставляет тебе эти многочисленные дары, чтобы ты воссылал об его благополучии угодные Господу молитвы, просил бы верной его защиты и поддержки. Он жалует тебе огромную позолоченную чашу, сделанную с замечательным искусством, с прекраснейшей кровлей⁴⁷, а также одеяние из венецианского бархата, — из рытого бархата⁴⁸, — и третье, выделанное по дамасской моде, прекраснейшие украшения (*злато*), шкурки понтийские из Сибири⁴⁹ и множество «новгородок», несущих царское изображение⁵⁰, чтобы ты возносил за него и за благополучие его державы молитвы к Господу, дабы правил он долгое время и обладал крепким здоровьем.

449

Тогда святейший патриарх, воздев руки, пожелал царю благополучия и, благословляя его, сказал: Да будет с ним Бог, преблагод и величайший, вместе со святыми архангелами, апостолами, епископами, мучениками и прочими, внесенными в список блаженных, и пусть они постоянно ему всё более и более споспешествуют! Пусть они всегда благосклонно прислушиваются, когда их призывают! Пусть он живет долгие годы, и слава его всегда растет, и пусть расширяются пределы державы, корою он правит! Он изрекал еще много прекрасных, полных святости и мудрости, речей, в продолжение целого часа.

Затем, воздав приветствие, он снова сел за стол. Вестнарий же обратился, во вторую очередь, к августейшему митрополиту, мудрейшему Ерофею, и величайшему епископу: — Послушай, митрополит Монемазийский, о том, какие дары дал тебе Феодор, великий царь Московский, Владимирский, Новгородский и всея Руси, чтобы ты еще шире препоручал Господу своими молитвами защиту и поддержку им царя и был бы доволен своим жребием в продолжение всей своей жизни. Смотри, он передает тебе замечательнейший, красивый, серебряный, позолоченный кубок, с прекрасной кровлей, вместе с одеянием из венецианского бархата, другим, — сделанным по дамасской моде, и третьим, — из рытого бархата, а также «новгородки», имеющие его собственное изображение. На это митрополит, вознеся достойные руки, от души пожелал царю благополучия и сказал много другого, выразив благоговение перед царем в неменьшей степени, чем это сделал уже патриарх.

450

А в третий раз вестиярий повернулся к Арсению, самому незначительному из епископов Элассона, отверженнейшему из грешников, сказав следующие слова: — Смирненнейший епископ Элассонский, из местности прославленной и знаменитой в Элладе, являющейся украшением всех мудрецов и светочем ораторов и находящейся у подножья западного, а не азиатского Олимпа⁵¹, Феодор, царь и великий государь Владимирский, Московский и всяя Руси жалует тебя многочисленными дарами и благодеяниями, чтобы ты молился за его благополучие! Он передает тебе серебряный, обведенный золотом, прекрасный кубок, с красивой кровлей, превосходное одеяние из венецианского бархата, выделанного по дамасской моде, другое, из рытого бархата, шкурки понтийские из Сибири и новгородские монеты с царским изображением.

Тогда, воздев смиренные руки, я от души пожелал царю благополучия, чтобы пользовался он крепким здоровьем, а жизнь его продолжилась до правнуков, чтобы правил он в своей державе многими народами. Я высказал ему также много другого, как сделал и патриарх, а именно, чтобы Господь, благословенный всеми, наполнил его радостью и дал ему сына, который занял бы, много лет спустя, царский трон.

После этого я почтил царя и сказал ему: — Будь вечно, царь, здоров и невредим! — Затем пошел и снова сел на свое место, другие же, пришедшие с патриархом, встали. После того, как все были засыпаны подарками, царь собственной рукой поднес каждому чашу, и когда все епископы, священники и бояре выпили вино, поднесенное его рукой, мы поднялись и воздали величайшие благодарения за все благодеяния, которые, с самой щедрой обходительностью, были нам предоставлены. Царь, держа скипетр, встал из-за стола вместе с нами и отпустил нас с честью. И мы отправились отсюда со множеством факелов и светильников и пришли в свое подворье, сопровождаемые пренатными людьми.

На следующий день, на заре, то есть в понедельник (*secunda petre feria*), царем был послан вестиярий со всеми упомянутыми дарами, которые были определены вечером предшествующего дня, когда в воскресенье 26 января 7097 года от сотворения мира, а от Рождества Христова 1589 года, был утвержден новый патриарх. Он раздал их все, каждому в соответствии с его саном, сначала, конечно, патриарху, от которого, в свою очередь, получил подарок. Было принесено множество даров не меньшей ценности: четыре человека несли трон (*pulpitum*), покрытый червленим сукном, три — парчу (*villosa serica auro contexta*), опять четыре — несли черный бархат, — это сверх того, что было передано вечером царем и что мы перечислили. Когда все это было принесено, каждому было выдано в соответствии с его положением, как это было записано.

451

После того, как он раздал каждому дары, он обнял с благоговением великого патриарха и, в свою очередь, получил благословение для себя и других, которые были с ним, после чего вернулся во дворец, чтобы передать царю пожелания патриарха.

В следующий вторник (*feria tertia*), также на рассвете, три епископа пришли к великому патриарху от имени младшего патриарха⁵² и, после приветствия, обратились к нему со следующими словами:

— Святейший владыка Константинопольский, Московский патриарх просит и умоляет тебя, чтобы пожелал ты посетить его дворец (*curiam*), вкусить там вместе хлеба и дать свое благословение!

Патриарх тотчас же согласился и сказал: — Надо снизойти к желанию брата моего, патриарха Иова! — Вследствие чего, все мы поднялись и пошли, вместе с патриархом, епископами и другими людьми из свиты царя и Московского патриарха Иова. Когда мы уже при-

ближались, он послал навстречу всех епископов и священников с факелами и множеством кадильниц. Они прославляли великого вселенского Константинопольского патриарха, первого из всех других, пока мы поднимались с патриархом по лестнице младшего патриарха. Навстречу нам вышел новый патриарх Владимирский, Московский и всея Руси, и патриархи взаимно друг друга благословили. После этого мы вошли в обширнейшую обитель, где присели ненадолго, и оба патриарха обменялись разнообразными речами, весьма полезными и исполненными большой мудрости. Пока мы сидели, пришел боярин и, став между патриархами Константинопольским и Московским, сказал от имени царя следующее:

452

— Святейшие и августейшие (*divini*) патриархи и прочие епископы и митрополиты! Православный Феодор, превеликий царь Владимирский, Московский и всея Руси, приказывает, чтобы все вы пришли в царский дворец для беседы с вами о некоторых делах. Он ждет вас с нетерпением.— Мы встали и в один голос воскликнули: — Да будет воля царская исполнена прежде всего! И быстрым шагом все поспешили в обширнейший и великолепнейший дворец. Царь тотчас же поднялся, оставил свой трон, чтобы встретить патриарха, и сказал ему: — Ты вовремя пришел, владыка мой, превеликий патриарх, вместе со своим братом, только что избранным Иовом, и другими епископами! Так пусть же Господь внемлет вашим молитвам! Теперь я прошу и умоляю тебя пожелать мне благополучия и дать благословение, которое никогда бы не покидало меня! Патриарх, воздев руки, пожелал счастья и благословил преславного Феодора, величайшего царя Московского, всего Северного края и Великой Руси. После этого он обратился к царю с такими словами: — Да хранит тебя постоянно невредимым Господь, благословенный всеми, Отец, Сын и Дух Святой,— равная в достоинстве и нерушимая Пресвятая Троица (*aequalis dignitate non confusa Trinitas sanctissima*),— чтобы пользовался ты крепким здоровьем и далеко раздвинул пределы своей державы.

После этого царь сел, за ним патриарх Константинопольский, затем Московский и, наконец, другие епископы, архимандриты и бояре.

Вслед за этим появился посол царицы, который в присутствии всех громким голосом сказал вселенскому патриарху, первому из всех других, следующее:

453

— Величайший Вселенский Константинопольский патриарх всего Востока и Запада, Ирина, в равной степени царица Востока и Запада, Владимирская, Московская и всея Руси, Астраханская, Казанская, Великоновгородская, Северных земель и Сибири просит и умоляет тебя, чтобы ты пришел к ней с епископами и благословил ее! Сказав это, он выразил должное почтение и с непокрытой головой остановился посреди палаты, чтобы получить ответ патриарха. Великий патриарх тотчас же встал, и вместе с ним встали Феодор, царь Великой Руси, Московский патриарх, другие епископы, архимандриты и бояре. И величайший патриарх произнес такое слово: — Мы с радостной душой подчиняемся приказам царицы! — И мы все отправились отсюда с патриархом и царем.

И первым, конечно, шел царь, затем патриархи и другие епископы, в соответствии с их саном, потом архимандриты, бояре и блестящая свита, состоящая из знати. После того, как мы достигли другого дворца, все остановились там, от мала до велика.

Там находилось много женщин, служанок царицы Владимирской, Московской и всея Руси. Все они были одеты с ног до головы в белые одежды, белизною подобные снегу или хлопчатой бумаге. Они могли поспорить даже с лучами самого солнца, несмотря на то, что на них не было никакого наряда, ни парчевого, ни червленого. Мы так-

же пришли в изумление, видя там великолепно сделанные изваяния, выложенные блестящими самоцветами и поставленные на драгоценные подножия. И тогда вторично открылась та золоченая дверь, и превеликому царю сказали оттуда:

— Ирина, царица Востока и Запада, Владимирская, Московская и всея Руси, просит, чтобы всем вам было угодно пройти во внутренний дворец, где она находится и может иметь с вами встречу. Итак, сначала прошел царь, потом патриархи, мы, затем епископы и самый высший и знатнейший боярин, легат (посол, представитель) царя и брат (*razimov*) царицы, за которым была закрыта великолепная дверь, чтобы не было доступа туда никому другому. И там мы увидели прекраснейшую, благочестивейшую и святую царицу Ирину. Когда она нас заметила, то немедленно встала, покинув царский трон. Патриарх тогда начал говорить ей так: — Здравствуй, владычица Ирина, благочестивейшая, величайшая, нанугоднейшая Господу! Приветствую тебя, первую из всех прочих цариц, владычицу владычю, великую славу Русских и Северных земель, оплот нашей православной веры! И, простирая правую руку и пожелав благополучия, он благословил царицу.

Новоизбранный патриарх Руси во вторую очередь пожелал той же царице счастья, и другие епископы, каждый в соответствии со своим саном, воздали ей почет. И каждый из них много говорил в ее честь, обращаясь к избраннейшей царице, по большей части, с такими словами: — Привет тебе, владычица Ирина, благочестивейшая и премного угодная Богу царица! Да соизволит Господь, благословенный всеми и заключающий всё в сердце своем, дать тебе доброе здравие, изобильную радость во всем и выполнит все твои желанья и, прежде других, даст тебе наследника царства!

Тогда царица Ирина, превосходнейшая, превыше всех похвал и возлюбленная Господом, повернувшись к вселенскому Константинопольскому патриарху, заговорила с ним из собственных уст громким голосом, и мы не могли не надивиться приятности, блеску и благородству ее речи. Она воздала благодарение патриарху, в обдуманых и лестных словах восхвалила его, начав вести свою хорошо построенную речь.

— Я очень благодарна тебе, величайший владыка, вселенский Константинопольский патриарх, святейший и первый среди прочих патриархов, за то, что ты пришел сюда из такого далёка вместе с этими сыновьями твоего пресвященства и позволил нам наслаждаться созерцанием твоего святого и почитаемого всюду, во всех землях, лица! Мы бесконечно обязаны тебе за то, что ты с большими трудностями прибыл посетить это наше царство, вследствие чего мы получили от твоего пресвященства, святейший Вселенский патриарх, великую милость! Почему честь и слава да будут вознесены преблагому и величайшему Создателю всего, прежде всех святых достойному прославления, а также Владычице, святой Богоматери и сонму архангелов и всех святых! Их благодеяние дало нам, в дни нашей жизни, в безграничной почти душевной радости, узреть тебя. Решительно ничего, более почетного и достойного большего восхваления не могло коснуться нас, вследствие чего была принесена величайшая честь этой Церкви, которая была поднята от уровня митрополитии до патриаршей степени, и слава всего царства дивно возросла, хотя оно уже превосходило славу прочих. Наши первые преблагочестивые цари самым горячим образом желали этого, однако никто не увидел его осуществления и не было позволено заслужить приобретения этой святой чести. Всемогущий Бог провел тебя к этой цели только через ряд трудностей и тягостей, чтобы ты достиг еще превыше прочих славы, чести и милости! — На этом она закончила, воздав каждому должную дань уважения. Царь между тем стоял по правую сторону от преблагоче-

стивой Ирины, царицы Владимирской, Московской и всея Руси, а с левой стороны от нее находился с непокрытой головой и исполненный почтительности, в смиренной и полной высокого уважения позе, знатнейший муж, высший из бояр, брат царицы Ирины и первый легат Великой Руси, облеченный властью над областью, расположенной у реки Казани, впадающей затем в великую Волгу.

Опять там же были видны жены князей (*ducum*), все одетые с головы до ног в белую одежду, стоявшие правильными рядами. Руки у них были сложены крест на крест, как этого требует обычай. Они стояли все прекрасные лицом, полные страха и почтительности.

Итак, царица Ирина приказала приблизиться первой из них, несшей в руках золотое блюдо, покрытое пеленой и перегруженное жемчугом и золотом до такой степени, что, конечно же, можно было здесь насчитать почти до шести тысяч жемчужин, а также прекрасными, оправленными в золото, агатами. И собственной рукой она передала его патриарху, который собственными руками принял дивный дар, благословил ее и пожелал ей благополучия и долгой жизни с постоянной защитой преблагого и превеликого Господа.

456 Все было, воистину, удивительно, и отраден для взора был наряд этой царицы. Никакой человеческий ум не в силах представить, каким количеством драгоценных украшений была обрамлена ее голова. На ней была замечательная, удивительная корона, искусно сделанная из драгоценнейших камней и множества жемчуга. Она была разделена на двенадцать зубцов, как бы предназначенных напоминать о двенадцати апостолах, всюду, во всех землях, проповедующих Христа, чтобы все обратились к его вере, и испещрена карбункулами, алмазами, топазами, большими и круглыми жемчужинами, а в окружности имела замечательные аметисты и сапфиры. Они свисали с ее как бы наклонного круга по три справа, и по три слева, и стоимости их никто не смог бы верно определить, ибо все они были покрыты множеством драгоценных камней. Какое-то сладостное оцепенение охватило всех, когда наши глаза ослепили разнообразными украшениями, бесчисленными смарагдами⁵³, все бледноватого цвета, такие огромные, круглые, излучающие свое собственное сияние, что было почти невозможно установить вес и стоимость хотя бы одного из них!

На ней было длинное, ниспадающее к ногам одеяние, сделанное из бархата с удивительным искусством, и множество прекрасных покрывал (*μαλίσια*), дивно унизанных драгоценнейшим жемчугом, а посреди — драгоценными камнями, топазами, геммами и карбункулами червленого прямо цвета. А на одеяние ее была наброшена накидка (*λόγηρα*), имевшая, на первый взгляд, очень простой вид и казавшаяся безыскусственной, но бывшая, в действительности, бесценной как по исключительному и превосходному мастерству, разнообразно выделки и тончайшей работе, которую никто не мог бы описать, так и по множеству покрывавших ее еще более горящих карбункулов, круглых жемчужин, сапфиров, гемм, самоцветов и алмазков. Кто же, хотя бы он имел десять голов и столько же языков, был бы в состоянии рассказать об ее широких рукавах (*μανίκας*), как они были сделаны, о дивном искусстве, с каким были они обрамлены круглым жемчугом и другими драгоценными камнями?! Есть ли человек, который мог бы оценить, по достоинству, ее прекраснейшую диадему из бледноватых смарагдов, огромных, круглых и излучающих свое собственное сияние?! Все это мы видели нашими глазами, и все это лишь малая часть, примерно одна десятая часть, царской сокровищницы! Если бы мы пожелали рассказать о палате самого дворца, то я уверен, что под всем небом нельзя было бы найти никакой другой, более великолепной. Ее куполообразный потолок (*sphaerica*) был замечательным искусством и целиком выполнен из чистейшего

457

золота, покрыт образами и сообщал ей удивительный резонанс. Особо многим выделялся ковер (*κλῆβια*), на котором были изображены леса, гроздья винограда черного и красного⁵⁴, а также всевозможные птицы. Посреди был изображен лев, хватающий зубами змею, а со змеи свисало множество прекрасных канделябров, окаймленных драгоценными камнями и искусно сплетенными корзинками с рассыпанным жемчугом.

Я не в состоянии точно описать внутренность дворца, так как меня устрашает обилие материала, а я не хотел бы, никоим образом, ошибиться в этом. Горячее желание побуждает меня писать, хотя ум мой не может проследить подробности. Я бы добавил также, конечно, что кругом были видны бесчисленные мозаичные изображения, представляющие различные деяния, несущую в руках Искупителя Богородицу Деву, Владычицу мира, а также ангелов и иерархов, мучеников и святых. И все эти прекраснейшие образа были окаймлены драгоценными камнями, адамантами и множеством жемчуга. Некоторые, равным образом, были обрамлены прекраснейшими венцами и одеты замечательными покровами и вообще красивым убранством. Но я лучше закончу говорить, так как не в состоянии ни продолжить рассказ о жемчуге, карбункулах, сапфирах, топазах и еще более сверкающих геммах, ни описать вразумительно их бесчисленного множества.

458

Тогда царь Владимирский, Московский и всея Руси снова попросил дать благословение всем тем знатым женщинам. Когда все они подходили к великому патриарху, то целовали его руку с величайшим благоговением. Каждая поднесла ему по прекраснейшей ширинке⁵⁵. Потом, вторично поцеловав святую руку, они вернулись на свое место в превосходном и сообразном порядке, а также с благочестивым трепетом. Между тем, знатный и привыкший к почестям муж, выдающийся по возрасту, благоразумию и учености, вышел по мановению царицы на середину и, повернувшись к патриарху, сказал ему так: — Превеликий, святейший вселенский Константинопольский патриарх, Ирина, царица Востока и Запада, Владимирская, Московская и всея Руси, Астраханская, Казанская, Новгородская, Северных земель, великой Сибири и обширнейшей Иберии⁵⁶, желая, чтобы ты получил, после величайших знаков уважения, еще больше даров и благодеяний, дабы возносил ты к Господу моления за здоровье ее и царя, жалует тебе серебряный позолоченный кубок (*calicem*), замечательной красоты и с художественно сделанной кровлей (*arte cooperatum*), а также одеяние из венешанского бархата, другое — из рытого бархата и третье, — сделанное по дамасской моде, затем покрывала и понтийские шкурки из Сибири. Она передает тебе также много чеканных серебряных монет с изображением царя. Ты же молись за нее и за царя, чтобы они имели долгую жизнь и обладали крепким телесным здоровьем и чтобы Бог, тронутый твоими молитвами, послал им сыновей и дочерей!

Патриарх, вознеся правую руку, пожелал царице и вместе царю благополучия и благословил их. — Да соизволит, — сказал он, — преблагодой и превеликий Господь непрестанно помогать тебе, а также архангелы, пророки, апостолы, епископы, мученики и все святые! Всемогущий Бог, — продолжал он, — Который разделил Эритрейское⁵⁷ море и перевел всех израильтян, евреев и иудеев, от мала до велика, по суше через волны, который исторг источник воды с вершин скалы, чтобы они утолили жгучую жажду, и отвел их затем в Землю обетованную, который послал архангела Гавриила возвестить о таинстве воплощения Пресвятой Непорочной Деве, исполненной Божественной благодати, которую справедливо ты назвал бы сосудом, содержащим манну, святой горой, неопалимой купиной, где обитал Христос, когда он пришел в мир

459

и освободил от общего рабства сыновей Адамовых и всех праведных, он сам да не будет только угнетать нас страданиями и несчастиями, а даст тебе забеременеть и ниспошлет величайшее изобилие милостей! После этого превеликий патриарх и, вместе с ним, другой новый патриарх Московский и всея Руси, благословил Ирину, царицу Русскую. Достопочтенный старец снова возвысил голос и сказал мудрому митрополиту Ерофею:—Превеликий епископ из славного города Монемазии в Пелопоннесе, Ирина, царица Востока и Запада, Владимирская, Московская и всея Руси, жалует тебя многочисленными дарами, чтобы ты, с Божьей помощью, не переставал молиться о получении поддержки от Господа! Она передает тебе большой золоченый кубок с выполненной с дивным искусством красивой кровлей, а также одеяние из венецианского бархата, другое — из рытого бархата, и третье,—сделанное по дамасской моде, а также красивые покровы и понтийские шкурки из Сибири. И сверх того дарит множество больших чеканных серебряных «новгородок» с изображением царя, чтобы ты молился о долгой жизни для нее и царя и о добром здравии, а также чтобы твоими молитвами ты испросил у Бога для них сыновей и дочерей! Митрополит, устремив к нему взоры, пожелал царице и превеликому царю благополучия и воздал затем пресвятой и благочестивейшей царице Ирине высшую дань уважения.

460

В третий раз достопочтенный старец обратился с речью ко мне, самому незначительному из всех епископов.—Смирнейший,—сказал он,—епископ Элассонский, из прославленной области, находящейся вблизи Эллады, славы мудрецов и украшения ораторов, у подножья именно западного, а не азиатского Олимпа! Ирина, царица Востока и Запада, Владимирская, Московская и всея Руси, жалует тебя многочисленными благодеяниями и дарами, чтобы ты настойчиво просил своими молитвами Бога о здравии ее и царя. Она жалует тебе большой серебряный позолоченный кубок с подобающей красивой кровлей, вместе с прекрасным одеянием из венецианского бархата, другим — из рытого бархата, и третьим,—сделанным по дамасской моде, а также покрывала и красивые понтийские шкурки из Сибири. Сверх того, много чеканных новгородских монет из чистейшего серебра с царским изображением, чтобы ты просил своими молитвами у Господа дать ей и царю долгую жизнь и доброе здоровье и, снисходя к твоим молениям,—сыновей и дочерей!

Тогда, вознеся к небу взоры, я пожелал счастья царице и превеликому царю, чтобы они наслаждались долгой жизнью и наилучшим здоровьем.—Господь,—сказал я,—преблагой и величайший, да будет всюду с ними.—И много другого высказал я от души, что, дай бы Бог, благополучно удалось! После того я воздал должную дань благоговения, преклонив голову до самого пола, который был великолепно покрыт бархатными, шитыми шелком и золотом, персидскими коврами, на которых фригийскими мастерами были изображены множество зверей: львы, олени, волки, лани, а также охотники, которые преследовали зверей и были вооружены луками, стрелами и длинными копьями. Были видны также многие птицы, малые и большие: журавли, аисты, гуси, утки, фазаны, горлицы и другие, очень маленькие птицы, весьма ценные за приятное пение. Здесь был и охотник, прилаживавший силки и горящий пылким желанием поймать их. Я ушел затем отсюда и сел вместе с другими епископами. После этого, преславная и преугодная Богу царица, в самой смиренной позе, вновь, в присутствии всех, изронила из сердца печальные слова, обернувшись сначала, конечно, к патриарху, а затем к отдельным епископам.—Святой владыка мой,—сказала она,—превеликий патриарх, отец отцов, и другие господа мои, славнейшие из епископов, угодные Всевышнему, служители и слуги прееблагого и величайшего Господа, которые многое можете испросить у Бога, Святой Девы и святых, все вы, почитатели Господа, заслужившие

461 славу, почет и венец, вы, сильные благодатью, тесно общающиеся с нами, молю и заклинаю вас с превеликим душевным благоговением и с глубочайшим сердечным стенанием, от имени царя и от себя, царицы, ничтожнейшей из ваших дочерей, молитесь Господа со всем усердием, чтобы Он, приняв благосклонно ваши молитвы, дал бы нам, как детям вашим, сына и наследника этого царства Владимирского, Московского и всея Руси! — Мы были подавлены и взволнованы глубочайшей скорбью и печалью, как царь, так и я и другие мои земляки, а также бояре, высшие царедворцы, князья и воеводы всего царства. Все мы, тронутые этими мольбами до слез, заплакали от скорби и, как бы в один голос, сказали так: — Господь преблагой, Матерь Божья, все святые вместе с Предтечей да узрят слезы твои и общее наше за тебя слезное моление, и да сделает Господь, Творец всего, чтобы просьбы твои, как ты говорила, исполнились! Всевышний Господь, видящий все очами своими, слава Тебе и благодарения во все века за то, что Ты преполнил, милосердно, богатствами царство это, даруй же сверх того то, что важнее всего, — сына, наследника державы!

После всего этого все мы вышли из дворца: патриарх, царь и епископы, и сам превеликий государь проводил нас за его порог и там отпустил нас. Вследствие чего, воздав должную дань благоговения, мы вернулись в патриаршие палаты, где сели за стол, который приготовил нам новый патриарх. Превеликий патриарх благословил трапезу и все, от мала до велика, епископы, бояре и архимандриты насытились ею.

Тогда синкеллы (*ἄρχοντες, asseclae*)⁵⁸ Иова, новонзбранного патриарха Московского, вынесли на середину великолепные дары для передачи превеликому патриарху, и главный из них, в то время как дары преподносились, громким голосом обратился к корифею⁵⁹ из патриархов:

462 — Превеликий, вселенский, святейший Константинопольский патриарх, Иов, святой патриарх Владимирский и Московский, брат во Духе Святом и соратник, жалует тебе эти дары, веруя, что ты охотно примешь их, а именно, — превосходную панагию (*εἰκόνη*), украшенную жемчугом, а также четырема карбункулами и яшмой посредине, имеющей изображение Христа, Бога славы, Господа преблагого и превеликого, Судьи всего мира, вместе с образом Девы Марии, Владычицы и Утешительницы всего мира, несущей в руках преблагого Христа, Творца всего и Бога славы, окруженным карбункулами, множеством жемчуга и блистающим золотом. Кроме того, он дает серебряный позолоченный кубок с кровлей исключительной красоты, одеяние из бархата и другое, венецианское, сделанное по дамасской моде, прекрасный пояс (*ζώνη μεταξότης*), черные понтийские шкурки⁶⁰ и, более длинные, меха из Сибири, чтобы в продолжение всей твоей жизни ты воссылал к Господу за него молитвы, как и он сам, взаимно, никогда не перестанет молиться за тебя. Патриарх, вознеся десницу, благословил его и пожелал самого доброго здоровья.

Потом, благородный муж, повернувшись к старцу, митрополиту Ерофею, сказал: — Смиренный епископ из славного города Монемазии в Пелопоннесе, пресвятой патриарх Владимирский, Московский и всея Руси, Иов, жалует тебе образ Владычицы и Утешительницы всего мира, Марии, достойнейшей бесконечного восхваления, несущей в руках Бога славы, Господа преблагого и величайшего, Творца всего, вместе с серебряной позолоченной чашей с замечательной художественной кровлей, а также прекрасное одеяние, сделанное по дамасской моде, и бархатное одеяние, превосходные понтийские шкурки из Сибири, чтобы, сколько ни продлилась эта смертная жизнь, ты вечно вспоминал о нем в молитвах своих, как и он сам обещает делать то же о тебе. Митрополит, наклонив голову, сказал: — Да поможет тебе Господь, преблагой и величайший!

463

А в третий раз благородный муж обратился ко мне, самому незначительному из других епископов:— Смирненнейший епископ Элассона из прославленной и часто посещаемой области, лежащей вблизи Эллады, которая, воистину, может быть названа славою мудрецов и украшением ораторов,— сказал он,— Иов, Святейший патриарх Владимирский, Московский и всея Руси, жалует тебе образ Владычицы и Утешительницы всего мира, Непорочной Марии, держащей в руках Бога славы, Христа преемного и величайшего, Творца всего, обрамленный блистающим золотом и серебром и увенчанный позолоченною короною, затем также овальную позолоченную чашу, сделанную с особым искусством, потом одеяние по дамасской моде и другое,— из рытого бархата, прекрасные понтийские шкурки из Сибири, чтобы в продолжение всей своей жизни ты помогал ему своими молитвами, как и он сам будет прилежно возносить за твое благополучие свои молитвы к Богу.— Тогда, склонившись почти до земли, я сказал:— Господь преемной и величайший пусть помогает ему непрестанно! — После этого, взяв собственными руками кубок, он дал вино патриарху, сопроводив это пожеланиями, и затем собственной рукой поднес вино каждому из епископов. Архимандриты, бояре, все знатные лица, от мала до велика, выпили из того же кубка и, после того как остатки еды были собраны, трапезе был положен конец. Итак, все мы встали, вознесли благодарения благословенному всеми Господу и, наконец, пожелав благополучия царю Феодору, а равно и царице, ушли. Патриарх Иов, напоследок, пожелал нам здоровья и отпустил с честью вместе со многими епископами, священниками, боярами, архимандритами и знатными мужами. И каждый вернулся в свой дом.

464

На другой день, в третьем часу, пришел вестиарий, принесший список (*litteras*), и, вместе с ним, много людей, несших в руках дары царицы. И, когда патриарх, после приветствия, простер правую руку и благословил его, он передал сначала патриарху дары царицы Владимирской, Московской и всея Руси, а затем и каждому в соответствии с его положением. После этого, вторично получив благословение от патриарха и благодарность от нас, он вернулся во дворец к Ирине, царице Востока и Запада, Владимирской, Московской и всея Руси. Почти в то же время явились другие люди, несшие прекрасные дары патриарха Иова, и главный из них держал в руках грамоту, чтобы раздать всем, каждому в соответствии с его положением. Патриарх, после приветствия, дал ему благословение и тот роздал подарки Иова, патриарха Московского и Владимирского, сначала патриарху, затем другим, в соответствии с их саном. Наконец, получив благословение и благодарность от всех, он вернулся к пресвятому и превеликому патриарху Московскому, Владимирскому и всея Руси.

Между тем, от царя снова были посланы яства, и все мы до вечера наслаждались ими. В воскресенье, на сырной неделе (*Dominica tyrophagi*), когда свечерело, явился презнатный муж, легат царя и брат царицы Ирины, по имени Борис (*Μπαρόνης*), князь Казанский (*Princers Chasani*) и с ним два, одинаково знатных, благопристойных и приятных, двоюродных братьев по матери (*consobrini*). Патриарх, благословив их, обратился к Борису и сказал:— Настает время возвращаться мне в Константинополь! — Презнатный муж ответил, что он немедленно известит царя, чтобы желание патриарха было исполнено и он мог бы отправиться в путь в полной безопасности. Итак, снова получив благословение, он вернулся во дворец и возвестил царю слова патриарха, почему царь послал тотчас же боярина Андрея⁶¹, который так сказал превеликому патриарху:— Превеликий Константинопольский патриарх, царь и царица умоляют тебя, чтобы ты остался здесь до пресветлого пасхального воскресения, после чего ты свободно и в полной безопасности отправишься домой!

465

После того, как установленное время миновало, Феодор, могущественнейший царь Русский послал известнейших людей к превеликому Вселенскому Константинопольскому патриарху, которому они сказали так: — Великий (*Βελέκης*, *Velikiae*) царь ожидает прибытия твоего святейшества, чтобы, обменявшись приветствиями, ты мог отправиться в свою местность, именно в Константинополь! Патриарх же сказал: — Приказам царя Феодора следует подчиниться с радостной душой! И все мы, вместе с патриархом, поднялись и пошли в царский дворец. Мы встретили превеликого царя у дверей вместе со свитой знатных мужей, которые были одеты в бархат и парчу и горели огромным желанием увидеть патриарха Иеремию, величайшего из епископов. Патриарх, пожелав счастья Феодору, великому царю Русскому, благословил его, и царь, взяв его за руку, вместе с ним взошел на прекрасный трон (*solium*). Царь сидел, имея патриарха по правую руку, прочие же стояли с величайшим благоговением. Тогда на середину были принесены самые прекрасные и превосходные дары, не меньшей, понятно, цены и достоинства. При этом сначала была принесена лежащая на подносе (*disco*) митра (*mitra*), которую царь, взявши ее собственной рукой, благочестиво поднес Константинопольскому патриарху, величайшему епископу и, в то же время, тот же могущественнейший русский царь Феодор обратился к нему с такими словами: — Прими, Святейший патриарх, эту митру, которую я жалую тебе, чтобы она была воспоминанием (*monumentum*) моего и преблаженных родителей моих царствования (*Patriarchatus*)! Она была украшена драгоценнейшими жемчужинами и камнями, а также святыми изображениями: посреди — Владыки всего мира, Христа, и преславного Иоанна Крестителя, а у самой вершины — изображением Успения исполненной благодати Богоматери, не говоря уже о изображениях множества святых, ангелов, епископов и святых мучеников, — мужей и жен. Все это было сделано с таким замечательным, тончайшим искусством, что ум не в состоянии этого объять. Выделялись в равной степени изображения великого Феодора Стратилата и святой девственницы, мученицы Ирины, вследствие того, что их именами были названы царь и царица Московии и всея Руси. На ней имелось также много столь удобно прилаженных и искусно начертанных русских букв, что и представить душе трудно. Патриарх собственными руками принял от царя эту великолепнейшую митру, пожелал ему благополучия, выразив высочайшее благоговение, благословил его и сказал: — Да помогает тебе непрестанно Господь преблагой и величайший!

466

Итак, когда патриарх взял с подноса митру, мы, епископы, приняли ее из рук августейшего епископа, патриарха Константинопольского. Царь сел затем на трон, и вестиярий так сказал августейшему патриарху: — Превеликий, вселенский Святейший патриарх, преславный Феодор, превеликий царь Владимирский, Московский и Великой Руси, пожаловал тебе многочисленные дары, чтобы ты воссылал угодные Господу молитвы о защите его и благополучии! Он передал тебе серебряный позолоченный кубок, искусно сделанный, с превосходной кровлей, вместе с одеянием из венецианского бархата, другим, — из рытого бархата, а также одеянием, сделанным по дамасской моде, и, одновременно, красивые покрывала, понтийские шкурки из Сибири и множество затем новгородских монет, несущих царское изображение, чтобы ты молился за долгую жизнь и нерушимое благополучие его самого и царицы.

Патриарх, вознеся руки, пожелал превеликому Русскому царю счастья и благоговейно благословил его, сказав: — Господь преблагой и величайший пусть помогает ему всегда своей защитой! — После этого на середину были принесены дары царицы, великого достоинства и ценности, и другой вестиярий снова обратился к превеликому Константинопольскому патриарху: — Превеликий, святейший Вселенский Констан-

тинопольский патриарх, Ирина, царица Востока и Запада, Владимирская, Московская и вся Руси, Астраханская, Казанская, Новгородская, Северных земель, великой Сибири и преславной Иберии, жалует тебе эти дары, чтобы ты молился за благополучие ее и царя,— серебряный позолоченный кубок, превосходной работы, с прекрасной кровлей, одеяние из венецианского бархата, другое,— из рытого бархата, и одеяние, сделанное по дамасской моде, а также красивые покрывала, шкурки понтийские из Сибири, далее — множество серебряных чеканных новгородских денег с изображением царя, чтобы ты настойчиво просил у Бога для них своими молитвами приобретения долгой жизни и доброго здравия и, не менее,— сыновей и дочерей!

467 Патриарх, вознеся глаза к небу и пожелав царице и превеликому царю благополучия, благословил их и сказал:— Пусть никогда не покидает их поддержка превеликого и величайшего Господа, и пусть все архангелы, пророки, апостолы, епископы, мученики и святые будут их заступниками!— И, после того, как он это произнес, он воздал царю знаки высшего уважения.

Во вторую очередь вестиярий обратился к епископу митрополиту Ерофею:— Послушай, митрополит города Монемазии, превеликий царь Феодор, могущественнейший царь Московский, Владимирский, Новгородский и Великой Руси, жалует тебе дары, чтобы ты добивался у Господа своими, угодными ему молитвами, поддержки царя,— серебряный позолоченный кубок с прекраснейшей и великолепной кровлей, а также бархатное одеяние, венецианское одеяние, сделанное по дамасской моде, и одеяние из рытого бархата, затем понтийские шкурки и, наконец, новгородские монеты с чеканным изображением царя! Митрополит, вознеся достойные руки, от всего сердца высказал, почти в тех же выражениях, много пожеланий счастья и выразил уважение каждому, в соответствии с его положением.

468 В третью очередь, вестиярий обратился к епископу Элассонскому, смиренному Арсению, самому незначительному из всех, и держал к нему такую речь:— Смиреннейший епископ Элассона, сей знаменитой и часто посещаемой области, расположенной вблизи Эллады, являющейся честью мудрецов и украшением ораторов, превеликий повелитель Феодор, царь Владимирский, Московский и вся Руси, жалует тебе множество даров, чтобы ты молил Бога о его здоровье,— превосходный серебряный позолоченный кубок, с красивейшей кровлей, вместе с бархатным одеянием, а также венецианским одеянием, сделанным по дамасской моде, и другим,— из рытого бархата, шкурки понтийские из Сибири, затем новгородские деньги, отмеченные изображением царя, чтобы испросил ты молитвами своими для них долгую жизнь и нерушимое здоровье!— Тогда я простер свои смиренные руки и со всем усердием пожелал царю благополучия, чтобы жил он долгие годы, пользовался отличным здоровьем и держал множество народов под своей властью. Я сказал, подражая патриарху, много другого, чтобы Господь преблагой и величайший наполнил его радостью и затем почтил превеликого царя:— Привет тебе, царь,— сказал я,— будь всегда здоров!— И, удивившись на прежнее место, я сел. Тогда вестиярий обратился ко всем прочим из свиты патриарха:— Здрaвы будьте и возрадуйте сердце ваше все вы, следующие за патриархом, ибо царь жалует вам богатую милостыню!— Вследствие чего все выразили могущественнейшему и мужественному повелителю Феодору благоговение.

Я же, воздав дань уважения превеликому православному царю, снова громким голосом и от всего сердца начал такую речь:— Феодор, прехрабрый и преблагочестивый царь Востока и Запада, Владимирский, Московский и вся Руси, Северных земель и великой Сибири, прославленный милостью Божией и святостью, украшение праведных! Я, Арсений, самый ничтожный и смиренный из всех епископов, самый

малый среди других, охвачен изумлением перед человеколюбием, снисходительностью и милосердием, с которыми ты относишься ко всем, как своим подданным, так и чужеземцам, наблюдая все это ежедневно и всегда собственными глазами, с того времени, как я покинул своих близких соотечественников и свою страну! Дни и ночи я буду молиться, чтобы ты продлил жизнь свою до далеких потомков в нерушимом здравии, владычествовал вообще над многими народами, осуществил блестящие замыслы, которые ты вынашиваешь в душе, и прославил дни своей жизни выдающимися и прекрасными деяниями!

Сказав это, я поклонился почти до земли и снова почтил царя Феодора, светоча христиан. Царь же радостно и ласково ответил мне: — Верь и знай, что моя помощь никогда не изменит тебе! Ты будешь владеть многими городами и их округами, и станешь во всех них епископом!

В ответ на это я снова простерся до земли и выразил ему мое превеликое благоговение, пожелав, чтобы он всегда имел поддержку Божественного промысла.

469

После того, как я сказал это, превеликий патриарх, поговорив еще с великим царем Русским Феодором и воздав многие благодарения, благословил его. Наконец, после обмена приветствиями, нам была предоставлена возможность уйти, и превеликий царь проводил патриарха, отбывающего в Новый Рим⁶², до золотых врат дворца. Там они взаимно пожелали друг другу здоровья, после чего мы двинулись, сопровождаемые множеством бояр, и вернулись на свое подворье.

КОММЕНТАРИИ

¹ Во Львовском укреплении (ἐν κάστρῳ Λόβι, in castro Lobi). Августин Голицын во французской версии произведения Арсения, а также М. Полуденский в рецензии, помещенной в «Библиографических записках» (1858 г., т. I, стр. 76 — «Материал для истории учреждения патриаршества в России»), истолковывают это греческое написание как Люблин. С другой стороны, А. Дмитриевский, в своем исследовании «Архиепископ Елассонский Арсений», Киев, 1899 год, стр. 17, а также Н. Оглоблин, в русской версии поэмы Арсения («Историческая библиотека», СПб., 1879, № 9, стр. 45), считают, что оно указывает на Львов, основываясь, видимо, на том, что Арсений провел два года в этом городе в роли преподавателя братской школы. Город был назван так, как известно, князем Галицким Даниилом Романовичем в честь своего старшего сына Льва, получившего его в княжение впоследствии, после смерти отца. Вероятнее, что у Арсения говорится именно о Львове (Leopolis), так как он передает название, видимо, в соответствии с греческой фонетикой.

² 1588 года.

³ Патриарх Иеремия II на Константинопольский престол был поставлен в 1572 году. При султани Мураде III (1574—1595) в 1581 году свержен; в 1582 опять возведен, в 1584 году снова свержен и заточен на Родосе, снова возведен на патриарший престол в 1587. Умер в 1594 году.

⁴ То есть в Польшу.

⁵ Канцелярий — канцлер, первый министр.

⁶ Яна Замойского.

⁷ Сигизмунда III (1587—1632), сына короля Иоанна и Екатерины Ягеллонки, шведского королевича, выбранного на польский трон после междуцарствия, последовавшего за смертью Стефана Батория (1586).

⁸ Феодор Иоаннович — царь Московский (1584—1598), младший сын царя Иоанна IV Васильевича.

⁹ Логофет — одна из высоких государственных должностей, в частности — хранитель и контролер казны, думный дьяк.

¹⁰ Издатели труда Арсения приняли слово «Покарпес» за собственное имя. В действительности оно означает «подскарбий», — буквально — казначей. В Польше и Литве были великие подскарбии, которые заведывали финансами и государственными имуществами; королевские подскарбии, которые заведывали королевскими сокровищами и чеканкою монеты; надворные подскарбии были заместителями и помощниками королевских подскарбиев. Здесь этот термин относится, по-видимому, к советнику польского короля и великому секретарю (дьяку) всей Литвы, ревнителю православия Феодору Скумину, носившему титул «литовского земского подскарбия и писаря».

¹¹ На Днепре.

¹² Смоленскими воеводами были тогда князь М. Катырев-Ростовский и князь Ф. Шестунов.

¹³ Епископ Смоленский Сильвестр.

¹⁴ Корифеев — здесь святых первоверховных апостолов Петра и Павла.

¹⁵ Царский «почетный пристав» Семен Пушечников со свитою.

¹⁶ 13 июля 1588 года.

¹⁷ Второй «почетный пристав» Нашекин со свитою.

¹⁸ Митрополит Монемазийский Иерофей. Монемазия (*Μονεμβάσια*, *Монемва-сия*) — укрепление, возникшее в начале византийского средневековья на скалистом острове у восточных берегов Лаконии, соединяющемся с материком узкой дамбой (отсюда название Монемазия, то есть «с одним лишь доступом»). Монемазия, называвшаяся у итальянцев Наполи ди Мальвазия или просто Мальвазия, была одним из сильнейших береговых укреплений Морен и главным складочным пунктом левантйской торговли; отсюда расходились по всей Западной Европе вина Пелопоннеса и греческих островов, называвшиеся поэтому мальвазийскими. В настоящее время Монемазия — незначительный греческий городок с живописными развалинами грандиозных крепостных сооружений. Аделунг ошибочно пишет, что русские называли Монемазию Мармазией.

¹⁹ Элассон (Елассон, Алессон, Алессно, Леш) — маленький город на левом берегу Дрины, неподалеку от впадения ее в бухту Алессно, на земле древней Фессалии (на территории нынешней Северной Албании, к югу от города Шкодер — Скутари). Устье Дрины образует гавань города. Прежние два укрепленные замка лежат теперь в развалинах. Алессно был основан сиракузским тираном Дионисием под именем *Lissus in Illyria* и, подобно всем греческим городам, был обнесен громадной стеной и предназначался служить приморским портом. В нем находится гробница Скандербега, умершего в 1467 году. Кости его были похищены турками при завоевании ими города в 1478 году. Арсений называет себя епископом в общем значении своей иерархической степени. В действительности он был архиепископом.

²⁰ Окольный, князь П. Лобанов-Ростовский, и разрядной дьяк Сапун Иванов.

²¹ Грановитой палаты, которая со времен Федора Иоанновича стала называться Подписной, так как при нем она была украшена стенным письмом.

²² Карбункулы — благородные гранаты, драгоценные камни темно-красного цвета.

²³ Адаманты — алмазы.

²⁴ Царский венец — здесь, очевидно, шапка Мономаха.

²⁵ Геммы — прозрачные резные драгоценные самоцветы.

²⁶ Архонт (*ἄρχων*), то есть предводитель, начальник, вождь; так Арсений именует Бориса Годунова.

²⁷ Брат царицы, в тексте — *μαίρων* (*ὁ μαίρων*), то есть кровный родственник, преимущественно, брат или сестра.

²⁸ То есть Борис Годунов.

²⁹ Андрей Яковлевич Щелкалов — влиятельный царедворец, был приставом при литовских послых, потом дьяком, участвовал в земском собрании, ведал разрядной избой и посольским приказом, вел переговоры с Антоном Поссевином, с английским послом Еремеем Баусом (Боусом). Борис Годунов его очень ценил, но впоследствии Щелкалов попал в опалу за самовольство. Умер в 1598 году. Арсений называет его Чалканом (*Tzalcanes*).

³⁰ Василей Щелкалов был думным дьяком.

³¹ «Новгородки» (*ἀσπρα τὰ νογράτια*, *аспра Nogradia*) — серебряные новгородские деньги, выпуск которых начался в Великом Новгороде с 1420 года. На лицевой стороне изображен стоящий или, впоследствии, сидящий великий князь Московский, «вотчинник» Новгорода, принимающий от стоящего перед ним новгородца дары. На оборотной стороне надпись: «Великаго Новагорода». На полушках, на аверсе вместо князя изображалась птица, вероятно, орел. Новгородская денга равнялась, в период самостоятельности Новгорода, двум денгам московским. На московский рубль шло 100 новгородок. Новгородки чеканились по описанному типу до 1478 года, когда великий князь Иван III уничтожил новгородские вольности. Нет никакого сомнения, говорит А. П. Зернин, автор статьи об учреждении в России патриаршества, что обещание давать Иеремии ежедневно по 1000 аспров новгородских, как и другие обещания, о которых сообщает Арсений, преувеличено. По исчислению Аделунга (Фридрих Аделунг. «Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года». М., 1864) выходит, что патриарху одними деньгами приходилось бы по 33 с третью дуката в день (считая по 39 новгородских серебряных копеек на один дукат) и 12 161 с третью дукатов в год. Гиперболизм в отношении к патриарху Иеремии свойствен всему повествованию епископа Арсения.

³² 26 января 1589 года.

³³ Амвон (*ἀμβών*, *pulpitum*) — здесь архиерейская кафедра среди церкви.

³⁴ Очевидно, здесь имеются в виду облачения Большого Кремлевского Успенского собора, т. е. главной, впоследствии Патриаршей ризницы. См. об этом Чиновники Успенского и Архангельского соборов, изданные проф. А. П. Голубцовым.

³⁵ Очевидно, Константинопольской церкви.

³⁶ Н. Оглоблин предполагает, что в тексте пропущено слово *aquila*, то есть что речь идет об изображении двуглавого орла.

³⁷ В русских актах они называются «огненниками».

³⁸ Δομῆστοιχος, domesticus — буквально домоправитель. Здесь — начальник хора. регент. Н. Оглоблин думает, что Пасхалий — собственное имя.

³⁹ Гиперборейский — северный. В греческой мифологии гиперборейцами называли сказочный народ, живущий в некоей утопической стране «по ту сторону северного ветра», в состоянии вечной юности и непрерывного блаженства. Это название прилагается к народам Северо-Восточной Европы и Азии.

⁴⁰ «Аксиос» — достоин — поется антифонно при всякой хиротонии в Православной Церкви, как свидетельство клира и народа о достойном избрании рукополагаемого в священную степень. Характерно, что латинский переводчик и издатель, не зная существа и применения этого литургического термина, сохранили в латинском тексте греческий член (τὸ ἄξιός, τὸ dignus).

⁴¹ Панагия (παναγία) — «всесвятая» — первоначально часть из просфоры, изъятая на проскомидии в честь Богоматери, помещавшаяся в особом ящичке (сосуде типа чаши панагари). Позднее панагия — нагрудный знак архiereев и архимандритов в ставропигиальных (то есть управлявшихся непосредственно патриархами) монастырях, представляет собой также плоский ящичек (ἐγκόλπιον, encolpion, encolpium), на одной стороне которого было изображение Спасителя или Св. Троицы, на другой — Богоматери. Внутри еноклпия клались иногда частицы мощей. В дальнейшем панагия приняла вид небольшой круглой иконы Богоматери, носимой на груди, как знак архиерейского достоинства.

⁴² Бархат (*villosus sericus Venetus* или *ex Venetiis*) — старинное аксамит, — шелковая, шерстяная и бумажная ткань с коротким стриженным густым ворсом. Родиной этого изделия считается Индия, в Европе же первые фабрики бархата были основаны в Италии, именно в Генуе.

⁴³ Очевидно, четки.

⁴⁴ Καμίλα ὑψίλευχόν, т. е. *καμιλάχιον* — камиллава, — первоначально, — шапка из верблюжьего волоса (*κάμιλος* — верблюд) со спуском на спину и плечи. Позднее камиллава, приняв в России форму расширяющегося кверху цилиндра без полей, стала головным убором духовных лиц и изготовлялась из шерсти или бархата. Черную камиллаву у нас постоянно носят представители «черного» духовенства (монахи, имеющие право ношения рясы, иеродиаконы и иеромонахи). Священники из «белого» духовенства носят бархатную фиолетовую камиллаву как награду в официальных случаях и во время богослужения. Н. Оглоблин переводит — *calimauchium* (измененное *καμιλάχιον*) как клобук, т. е. камиллаву, покрытую крепом («наметкой») в данном случае из белой ткани. Патриарший клобук, куколь, повторяя древнюю форму великой схимы и шерстяного кукуля, имеет округленный шлемовидный верх с крестом и спадающие по плечам воскрилия с херувимами.

⁴⁵ Саккос — верхняя архиерейская одежда, заменяющая фелюнь, то есть ризу, и символизирующая то же, что и она, а именно — рубище, вретнище, мешок, являющиеся одеждой покаяния и смирения. Аделунг замечает, что объяснение саккоса, добавленное в латинском переводе, не совсем точно, именно то, что он представляет собой облачение патриарха без рукавов и очень плотно сидящее на теле, подобно мешку. Однако в действительности саккос воспроизводит далматик византийских императоров, от которых и перешел как богослужебная одежда и привилегия к Константинопольским патриархам. В Русской Церкви саккос введен с XV века как отличие митрополитов, а позднее его носили патриархи и, в знак особой чести, некоторые архиепископы. Патриарший саккос отличается от митрополичьего большей пышностью, имея нашивную епитрахиль, усыпанную жемчугом. В России с начала XVIII века саккос — общая одежда всех епископов.

⁴⁶ Вестнарий (βεστιάριος, *vestiarius*) — титул хранителя одежд при византийских императорах. В церкви это ризничий (*vestitor*), под надзором которого хранились патриаршие облачения. При московском дворе роль вестнария, подносившего дары и участвовавшего во всех торжественных приемах патриарха Иеремии, исполнял в то время казначей Траханнотов.

⁴⁷ То есть с крышкой. Кубок «с кровлей» имел высшее значение и подносился царем в особых случаях как светским, так и духовным лицам.

⁴⁸ Буквально — «наподобие ткани, вытканной из козьей шерсти». Н. М. Карамзин считает, что это — «рытый бархат».

⁴⁹ Шкурки понтийские (δέρματα, *pelles Pontici*), то есть шкурки грызунов (δῆρος — белка, суслик). В средние века термином *Mus ponticus* или *Mus caspius* обозначали шкурки соболей. (*Mus* — буквально — мышь, вообще — маленький зверек.) Слова *poncticus* или *caspius* указывали на то, что шкурки получали через Понт Эвксинский (Черное море) или Каспий.

⁵⁰ Аделунг замечает, что изображение царя не встречается ни на московских, ни на новгородских монетах. Московские монеты изображали всадника с копьем или саблей в руке, новгородские — фигуру, стоящую перед другой на коленях. В данном случае имеются в виду, очевидно, монеты царской чеканки.

⁵¹ Арсений влагает эти слова различия в уста вестияря, чтобы отличить две горные цепи, носящие одинаковое название: одна отделяет Македонию от Фессалии, а другая отделяет западную Вифинию от Фригии и Мизии. Возможно, здесь сказывается провинциальная гордость автора своим европейским элладским происхождением.

⁵² То есть Иова.

⁵³ Смарагды — изумруды.

⁵⁴ ἄμπέλια ἀσφιδία (uvae astaphides) означает, собственно, сушеный виноград (изюм — Rosinen), здесь, по-видимому, — черные виноградные кисти. А ἄμπέλια ῥόζα указывает на красные виноградные гроздья (собственно, — гранатового цвета). Такого мнения придерживаются Н. Оборин и Фр. Аделунг.

⁵⁵ Ширника — платок, роскошно вышитый золотом, серебром и шелками, а иногда и низанный жемчугом (Забелин). Ширники подносились только почетным гостям, в том числе духовным лицам.

⁵⁶ Иберия — Грузия.

⁵⁷ Эритрейское море — Черное, или Красное море.

⁵⁸ Синкелл (σύνχελλος из συν и χέλλιον) — клирик, пресвитер или монах, живущий в одной келье с епископом или патриархом, как сотрудник в управлении и как свидетель их непорочной жизни. Эта должность существовала как на Востоке, где была учреждена Халкидонским Собором, так и на Западе. На Востоке патриарх имел при себе корпорацию синкеллов, находившуюся под управлением протосинкелла, который сопровождал патриарха на все Соборы. Обыкновенно епископы выбирали в синкеллы людей более образованных, которые могли бы им содействовать в решении важнейших вопросов. Протосинкеллы всегда, главным образом в древности, играли очень важную роль, особенно в Патриархате Константинопольском. Протосинкелл обычно был преимущественным кандидатом на патриаршество.

⁵⁹ То есть старшему из патриархов — Иеремии.

⁶⁰ Очевидно, собольи.

⁶¹ То есть Андрея Шелкалова.

⁶² Новый Рим, Второй Рим — Константинополь.